НИКОЛАЙ ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ

В УСАДЬБЕ ПОМЕЩИЦЫ ЯРЫЩЕВОЙ

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

В усадьбе помещицы Ярыщевой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=622285

Аннотация

«Воскресный летний день собирался быть особенно жарким. Солнце как-то сразу показалось на безоблачном небе и скучно, без предрассветной прохлады, уставилось в оголённые берега большой извилистой речки…»

Содержание

I	4
II	19

Николай Гарин-Михайловский
В усадьбе помещицы Ярыщевой

I

Воскресный летний день собирался быть особенно жарким. Солнце как-то сразу показалось на безоблачном небе и скучно, без предрассветной прохлады, уставилось в оголённые берега большой извилистой речки. Там, выше речки, раскинулось большое торговое село, грязное и серое, под цвет остальной округи.

У базарных лавок сидели и стояли толпы жнецов из татар в ожидании найма.

Это был первый базар и первая наёмка на жнитво в это лето. Урожай был хороший, и цены на работы ожидались высокие. На площади показался, приседая и смешно оглядываясь, словно за ним гнались, Кирилл Архипович, приказчик одной маленькой экономии барыни Наталии Ивановны Ярыщевой. Опросил цены на жнитво и, услышав про пятнадцать рублей, убежал без оглядки. Татары-жнецы проводили его с

базара свистками, улюлюканьем и смехом. Кирилл Архипович, с мягкой курчавой бородой, с громадной лысой головой и мелкими чертами лица, прибежал сам не свой на двор, куда заехал было, и обратился к хозяину, хлопнув руками:

– Беда! Пятнадцать рублей.

Хозяин двора катил в это время бадью по двору и, остановившись, равнодушно ответил:

– Вот как хлещут!

– Чего ж теперь делать? – спросил приказчик.

– И не знаю.

– Ехать надо домой, – вздохнул приказчик.

Крестьянин покатил бадью дальше под навес.

– Аль раздумали орать?

– Да как брать-то? – Кирилл Архипович почесал затылок. – И не соображусь теперь… Жать двадцать десятин, а всех денег сто двадцать рублей всего-то у нас: половину не сожнёшь на эти деньги.

– Не сожнёшь поэтому.

– А, ведь, поколь жнёшь, да когда ещё молотить там, да в город продавать, а их рассчитывать надо: ждать не станут.

– Не станут.

– Ах, ты грех! Ехать надо посоветоваться… Думал пораньше выбегу на базар, поколь цена не разыгралась, а вот…

– Дешевле не будет нынче…

– Ехать надо…

Кирилл Архипович ещё поохал и стал запрягать. Запряг,

рассчитался, попрощался, сказав с каким-то придыханием: «Ах, ну до увиданья», сделал с обычным приседанием ещё для чего-то круг возле своей плетушки, уселся и тронул.

Он уже проехал почти всю улицу, всё смотря куда-то в сторону, как вдруг воскликнул, освобождаясь от задумчивости:

– Ах, кулёк-то!

Он внимательно осмотрел сиденье, заглянул под козлы, приподнял тонкий слой находившегося в плетушке сена, но кулька нигде не оказалось. Кирилл Архипович ещё нерешительнее несколько раз оглянулся, вероятно, в надежде, не догадается ли сам кулёк прибежать к нему, но, не дождавшись, вдруг засуетился и поворотил назад.

Хозяин квартиры, увидев его, отворил ворота, и Кирилл Архипович въехал опять во двор.

– Здравствуйте опять, – сказал он растерянно, сойдя с плетушки.

– Здравствуйте и вы, – ответил равнодушно крестьянин.

Кирилл Архипович снова поздоровался с ним, а также с вышедшей хозяйкой. На мгновение он замер в сладостной истоме и сообщил:

– А я, ведь, кулёк-то забыл. Гляжу, где он? Ах, назад ехать надо!

– Недалеко пахнулись ещё…

– Не далеко… вот тут на углу – против лавки… Как его?

– Аксёнова?

– Она… Гляжу: нет кулька… Ах, ты грех! – Кирилл Архипович постоял ещё, подумал, покачал головой и, приседая, пошёл в избу за кульком.

– А я тоже гляжу на кулёк, – провожала его хозяйка, – думаю, что он, мол, оставил его? Мне бы скричать, а я, вишь, не смекнула тоже…

– И я тоже не догадался… Ну, до увиданья ещё раз.

И ещё раз попрощавшись с хозяйкой, Кирилл Архипович с кульком в руках вышел из избы во двор.

– Ах… не надо бы заезжать было во двор, – спохватился он.

– Поэтому не надо бы, – согласился и хозяин, – я гляжу, едете, ну отворил ворота.

– Я ведь только вот за кульком…

– Известно, не оставлять же…

– Как же теперь? Не поворотишься ведь… выпрягать?

– Не знаю… Так, что ль, попробовать? Айда-те так попробуем. Я лошадь заводить стану, а вы задок-то относите.

Общими усилиями дело обошлось без перепряжки и, повернув лошадь, приказчик барыни Ярыщевой покатил, наконец, с базара, сопровождаемый напутствием хозяина: «Ну с Богом!»

Кирилл Архипович, склонившись на бок, ехал и ломал голову, как ему быть. По пятнадцати рублей – двадцать десятин обойдутся триста рублей. Ста восьмидесяти не хватит. Главное то, что сам же он и подбил свою барыню усилить-

ся посевом на эти лишние двадцать десятин. Обыкновенный порядок в имении был таков, что в экономии сеялось столько, сколько можно было урвать, так сказать, не в счёт, без денег. Сдаётся, например, крестьянину десятина земли под посев; цена – как у людей, а один рабочий день выговаривается не в счёт. Одну десятину взял – пеший рабочий, две – с лошадью. Часть земли снимала своя деревня и не в счёт убирала пять десятин.

Конечно, это было немного, но и деревня барыни только и жила тем, что занималась нищенством. Так и в земской статистике в рубрике промыслов она значилась: «занимается нищенством». Как дадут повестку, чтобы подать взносили, и разбредётся деревня. Насобирает и взнесёт. И всегда исправно. За эту исправность и заботливость и местное начальство уважало деревню и задолго обыкновенно до сбора её первую извещало: готовьтесь, дескать.

– Что ж и умно, – говорила про крестьян своей деревни старая барыня, – сами видят свою слабость и спасаются… А другой ведь только и догадается, что в кабак последнее снести.

Но зато, когда её крестьяне попробовали было поторговаться с ней насчёт дарового посева, она ответила:

– Ну, уж, батюшки, кому другому, а уж вам-то не грех и потрудиться на меня старуху: за вас люди подать-то платят…

– Нынче где уж? – говорили крестьяне. – Действительно, значит, когда цена живёт на хлеб, так будто и ладно, а теперь

ничего не стоит хоть и наше дело: день-деньской маешься, плечи от тяготы оборвёшь, хлеб собираючи, а продай его, и гривенника не выручишь за день.

В нынешнем урожайном году промысел крестьян барыни Ярыщевой, действительно, был не из очень доходных.

Крестьяне других деревень, видя, как трудятся нищие, только лукаво подмигивали на них и говорили:

– Обижаются же… в убыток работа приходит.

Жалела и барыня Ярыщева крестьян своей деревни:

– Нынче уж, конечно, не ваш год, – говорила она, – ну так, ведь, надо же и людям.

– Известно, – вздыхали покорно нищие.

В общем дарового посева у барыни Ярыщевой набиралось десятин до тридцати. Сенокос ли продавался, лес ли, во всём было установлено правило вырядить не в счёт известное количество работников. Конечно, крестьяне-арендаторы торговались, но старушка-помещица добродушно уговаривала и шамкала своим беззубым широким ртом:

– И-и, батюшка мой! что тебе услужить старухе? Доходов у меня мало, а расходов-то выше головы… Сам знаешь, ведь, батюшка.

– Известно.

– Я сама, ведь, ваш хлеб, да щи только и ем… Не мотущая, не картёжница…

– Спаси, Господь…

– Только что вот внуки… Ну, так ведь, батюшка, и их без

образования нельзя оставить… И им ведь расходу больше моего ещё будет.

– Как можно…

– Ну, так вот, батюшка, и сам видишь… У меня же и тихо, спокойно: чтоб вот тебе я сдала землю, а там другому передала, – вон как у панков, – у меня этого нет, батюшка. У меня как в амбаре – всё в сохранности.

– Что говорить! Из-за этого уж, прямо сказать, и платим будто лишки.

– Так не жалей, батюшка, не жалей… Земля моя хорошая, дай тебе Бог засыпаться хлебом от моей земли.

И видя, что крестьянин убеждается, старуха спрашивала:

– Ну, что ж, надумался?

– Да видно… Что же станешь делать?

– Ну и с Богом… А вот, не дай Бог, лихоманка тебя схватит, или живот, – приходи, батюшка… Приходи – безо всякого.

– Спасибо…

– Ну, спасибо, батюшка, и тебе, я за тебя Богу помолюсь… Что тебе день? Ты – день, другой – день, а мне старухе помощь. С миру по нитке – голому рубашка. Я, батюшка, прямо… Мне что таиться? Что было вот наследственного, то ведь и осталось… А от мужа да зятя долги одни остались… Все, батюшка, сплатила, все – до копейки! Внучатам-то, – старуха радостно понижала голос, – чистенькое, как яичко облупленное, достанется именье-то.

– Ну, до увиданья, Наталья Ивановна, – подымался со стула крестьянин.

– Ну, прощай, батюшка, прощай…

Барыня жала руку и провожала гостя.

– Хоть уж дорого, да уважительная, – говорили окружные крестьяне. И если спрашивали их: «что за человек барыня Ярыщева?» – отвечали в один голос: – «Одно слово – не было такой и не будет… Уважительная барыня!»…

А Кирилл Архипович всё подвигался с базара ближе к усадьбе и всё думал. Уже показалась церковь соседнего села Дмитриевского, когда вдруг в его голове мелькнула счастливая мысль. В Дмитриевском он повернул свою невзрачную лошадёнку в ту улицу, где жил староста Матвей Фёдорович, и остановился у ворот просторной в три окна срубленной избы. Изба и все постройки на дворе имели аккуратный вид той зажиточности, при которой как-то само собой хозяин не ленится и гнилое бревно своевременно заменить новым, и свежей соломой крышу укрыть, а то заменить эту опасную крышу и глиняной, которая не вспыхнет, как костёр, от одной случайной искры.

Был праздник, и хозяин избы сбирался в церковь. В ожидании благовеста, староста, в новой синего сукна поддёвке, ходил по двору и заглядывал от нечего делать то в тот, то в другой угол своего двора.

– Ах, здравствуйте, – приветствовал его с своим обычным растерянным видом Кирилл Архипович, появляясь в калит-

ке, – а я ведь к вам.

Матвей Фёдорович видел и сам, что приказчик приехал к нему, и в это мгновение его занимал лишь вопрос: насчёт чего мог бы приехать этот приказчик?

– Заходите, – флегматично пригласил староста.

– А я ведь на лошади.

– Ну, так что? Во двор заезжайте, а то так привязать можно.

– Так привязать, что ль? не уйдёт, чать.

– Куда ей уйти? не рысак.

– Какой рысак!

Кирилл Архипович вернулся к лошади, а за ним вышел на улицу и хозяин. Пока приказчик привязывал лошадь, хозяин неопределённо глядел на его немудрую плетушку, немудрую запряжку, немудрую лошадь.

Кончив, Кирилл Архипович облегчённо произнёс:

– Ах, ну здравствуйте ещё раз…

– Здравствуйте и вы. В избу, что ль, пойдёте?

– В избу, Матвей Фёдорович.

В избе Кирилл Архипович поздоровался с хозяйкой и, присев на лавку, стал беспомощно вытирать пот с своего высокого лба.

– Выйди-ка на часок, – бросил мимоходом хозяин жене, и, когда та вышла, Матвей Фёдорович плотно притворил дверь, подсел к приказчику и прямо подошёл к делу:

– Вы насчёт чего же это?

– Да вот посоветоваться заехал, Матвей Фёдорович… Такое дело, такое дело, что и не придумаю.

И Кирилл Архипович рассказал в чём дело.

– Гм! – пропустил в нос староста.

– Я вот что надумал… Уж Бог с ней с ценой… 12 рублей на базаре просят, ну и мы от людей никуда не денемся. Нынче вот праздник, народ пока свой хлеб не зажал… чать, не зажал.

– Нет, не зажал.

– Чтоб нынче миром бы к нам? Половину денег на руки, а половину до продажи.

– Не сообразишь ведь всех, – нехотя и лениво ответил староста.

– О?

– Мир.

– Да, вот мир разве…

Кирилл Архипович вздохнул и замолчал. Молчал и староста.

– А то нельзя ли как-нибудь, Матвей Фёдорович?

– Да ведь я-то что тут? Главное дело, больно вы уж с вашей барыней работой облагаете: обижаются ведь которые…

– Так ведь, Матвей Фёдорович, против людей и спокой у нас…

– Это так, за это спасибо, а вот лишечки-то: всё будто так…

– По настоящему и сеять-то бы нынешним временем не

след, – вильнул Кирилл Архипович.

– Да где уж вам сеять? Тут своя крестьянская работа отбивается…

– Этак, Матвей Фёдорович… Да нет, видно, бросить же надо.

– Ну, там картошку для домашности, а то что ж выкручивать…

– Да я уж и сам не рад, – сокрушённо вздохнул Кирилл Архипович, – главная сила толков нет…

– То-то толков нет, а склоки много…

Староста помолчал и начал другим тоном:

– Вы что нынче за Караульной горой продавать же станете землю?

– Станем.

– То-то… Уросла, чать? Который год в сенокосе теперь лежит она?

– Да что? Никак семь лет.

– Девятый, чать, пошёл?

– Аль девятый?

– Гляди… Лес на амбар когда возили? В тот же год и землю бросили. Считай…

– Так, так.

– То-то… Уросла чать?

– Когда не уросла.

– Глядел я как-то, ехал: щётка пробила… Сдавать станете, и я бы взял десятинку-другую от лесу… от пчельника…

– Так что… Уладь дело, – не постоим, Матвей Фёдорович…

– Я вот что думаю… Церковь нам надо же новить, – рублей сто с миру сойдёт… Если вот присогласить старичков сегодня после обедни. Дескать, половину на руки, а остальную, чтоб вам прямо за мир в церковь внести. До вечера бы и кончили.

Кирилл Архипович даже привскочил.

– Так что? Матвей Фёдорович! А мы бы тебе постарались… Уж прямо так бы за тобой и земля осталась… от пчельника.

– Этак, что ль, попытать, – задумчиво говорил староста, – вот обедня отойдёт, соберём стариков. Так, что ль? Поэтому лошадку заводи во двор… да дай уж овсеца… А мы в церковь… Вернёмся, самоварчик изготовим, – чашечку-другую, поколь сходка сбирается. Овса дать, что ли?

– Овёс-то у нас свой, да вот вышел…

– Дадим…

Лошадь завели во двор, поставили к овсу, и так как раздался уже благовест, то оба, и хозяин, и гость, пошли к обедне.

В прохладной церкви народу собралось немного: дети, обычные старики, старухи, десяток-другой девушек и парней. Отстояли обедню и домой пошли.

– Скоро он, батюшка, нынче повернулся, – сказал приказчик.

– К вашей барыне, видно, торопится… Именинница, что ль, она?

– Ах да, рожденница… А я и забыл…

Пришли домой, заглянул Кирилл Архипович в колоду: съела лошадь весь овёс, что всыпал он ей из пудовки, которую вынес ему из амбара староста. Заглянул в пудовку Кирилл Архипович, где оставался ещё овёс, подумал и высыпал и остатки своей лошади. Напились чаю, а тем временем собрался сход, и пошли приказчик и староста толковать с миром.

– Вот, старики, в чём дело, – начал староста.

Выслушали старики, опросили Кирилла Архиповича насчёт базарных цен, и Кирилл Архипович опять, не сморгнув, заявил о двенадцати рублях. Начали толковать.

– Говори, староста! – обратился кто-то к Матвею Фёдоровичу.

– Так что ж? Случай по мне того… подходящий, – ответил староста. – День также проведём, двести сорок рублей кучка: свинья на рыле не принесёт.

– Ну так чего же, известно…

Ещё потолковали, вырядили два ведра водки, тут же одно распили и весёлой гурьбой повалили собираться, чтобы ехать жать хлеб барыни Ярыщевой. Пошёл и приказчик со сходки весёлый, но во дворе старосты ждала его невзгода. Лошадь барыни издыхала, лёжа на земле. Она дёргала ногами, судорожно подымала голову и опять с тяжёлым бессиль-

ным вздохом падала на землю.

Сбежался народ. Одни говорили «мышки», другие «домовой расшиб», третьи заподозрили «язву», – пересчитали все, какие знали, болезни, ахали и охали, но делу не помогли. Лошадь в последний раз подняла голову, безнадёжно посмотрела на свой вздувшийся живот, ещё безнадёжнее обвела взглядом всех собравшихся и бессильно упала, как бы говоря: «ну, Бог с вами, – и вправду помирать приходится».

Поохал ещё Кирилл Архипович, потужил, рассказал несколько раз, как прекрасно ела лошадь овёс, как и остатки он ей высыпал.

– Пришли из церкви, гляжу: ах, съела! Так ещё фунтов пять осталось, – думаю себе: пусть ест… А так и хватает, так и хватает, – ровно не в уме она… Я и подумал ещё, что она ровно не в уме? На вот тебе… Ах, ты грех!

– Чего ж станешь делать? На роду уж так написано ей, – утешали приказчика. – Шкуру, что ль, тебе с неё снять?

– Снять, что ль? – раздумывал Кирилл Архипович.

– Так что ж? Пока народ там кумекает – принимайся… Шкура тоже ведь… За неё трёшну отдашь.

– Трёшну-у? – усомнился другой, – и пятишну при нужде отдашь.

– Отдашь.

– Снимать видно, – надумал приказчик и принялся за дело.

Снял кожу, сложил её под сиденье, а вместо павшей лоша-

ди выпросил у старосты его Воронка. Вместе со старостою и уселся приказчик и поехал прямо в ржаное поле, куда потянулась уже деревня.

II

Высоко поднялось солнце и смотрит из-за Караульной горы на маленькую усадьбу старой барыни Ярыщевой.

У зеркального пруда густой сад. Повыше на пригреве, маленький с высокой деревянной крышей барский домик. Ещё выше всякие хозяйские постройки: конюшня, каретник, амбар, ледник, баня, скотные дворы. Сбоку – флигель приказчика, а с другой стороны – людские, кухни и птичий двор, с высокой оградой, подошедшей прямо к пруду. На пруде барские утки и гуси. Маленькая, босая девочка пасёт во дворе стадо индюшек. Чисто и опрятно кругом. В маленькие окна видны чистенькие комнатки с крашеными полами, с мебелью в чехлах. В комнатах специальный запах десятки лет обитаемого жилья. Тут и аромат сушёных грибов и разных ягод, что в стеклянных банках, разбавленные водкой, греются на солнце, и ещё чего-то, что сразу охватывает вас сознанием, что вы в деревне, в той глухой старинной деревне, где в барском домике в сонной тишине тикают однообразно часы, и слышится порою то звонкая трель канарейки, то одинокие шаги старушки-хозяйки.

Стара барыня: 66 лет ей. Она маленькая, костлявая старушка, с круглой от старости спиной, с беззубым широким ртом и живыми голубыми глазами, которыми смотрит так живо, что, кажется, выглядывают они из какой-то маски.

Одета старушка в чёрную люстриновую юбку и такую же кофту. Голова её подвязана платочком с узлом на подбородке, и всем своим наружным видом она скорее смахивает на простую мещанку, а не на потомственную, в шестой книге записанную дворянку.

За свои 66 лет многое перевидала старуха на своём веку. Расчётлива, экономна и бережлива. В лавке покупает, – торгуется, замучит всех приказчиков и не упустит из вида ничего.

– Батюшка, – остановит она руку приказчика, сбирающегося отрезать конец верёвочки, которой он обвязал ей покупку, – а ты подальше отрежь… Верёвочка-то мне, старухе, и пригодится.

У старушки помещицы живых детей нет. Только от покойной дочери осталось двое внучат. Внучке двадцать два года, она кончила гимназию и теперь учится в Петербурге, где-то на курсах. На лето она приезжает гостить к бабушке. Внуку Пете всего пять лет, и с своей няней, старой и строгой они не разлучаются весь день.

Встал уже упитанный, как телёночек, розовый Петя. Аккуратно одела его няня, умыла, расчесала, всё с наставительными присказками, Богу заставила помолиться и повела его в маленькую столовую чай пить. Полощет няня большую Петину чашку, оглядывает его сливочки в маленьком сливочнике, пробует рукой, теплы ли калачики, посмотрит, на месте ли масло, соль и, если чего нет, строго и коротко при-

казывает принести горничной Маше. А Петя чинно сидит и спокойными довольными глазами поводит то в ту сторону, где священнодействует няня, то смотрит на Машу, которой приказывает няня что-нибудь принести.

Идёт Маша и несёт. Видит Петя: всё хорошо, все боятся и слушают няню, и он слушает, и жидкий чай со сливками ещё вкуснее кажется ему, когда няня, подвязывая салфетку, приговаривает:

– Рот-то, батюшка, не набивай… Поспеешь, поспеешь… Это вон только хам какой: всё скорей ему бы.

Наелся Петя.

– Ну, ещё будешь?

Мотает головой Петя и слезает с полным ещё ртом с своего креслица.

– Не торопись, не торопись, батюшка, – обтирает его няня, отвязывая салфетку, и шутит, хлопая по животику.

– Ну, вот серёдочка полная, – краюшки заговорят… ну, ай-да, сокол, во дворике гулять.

Во дворе благодать: солнышко греет, индюк гуляет и пыжится, холодок на крылечке. Присела няня на крылечке и вяжет чулок, а Петя с ребятишками играет: то в хороводы, то в лошадки, а то и по другому как-нибудь. Услышала няня, что ссора началась у детей, встала, подошла и смотрит на них поверх своих больших очков. Докладывают ей дети, в чём дело, – разобрала, и хоть и не прав барчук, а оправдала его, – пусть, дескать, привыкают, что барин всегда прав. Но

подвернулась бабушка, проходившая в это время в амбар, и дело приняло другой оборот. Бабушка взяла сторону ребятишек, и обидевшийся Петя ушёл к няне на крылечко, где и присел рядом с ней. Няня усердно, будто не замечая ни его, ни бабушки, продолжала вязать.

– Ну, и иди… Иди, – задорно говорила бабушка, провожая внука к няньке.

– Ну, да, – отвечал ей Петя, – а зачем ты их сторону берёшь?

– О, батюшка мой, тебя не спросила. Что я на старости лет душой, что ль, кривить для тебя стану?! Вот так хорошо, вот так спасибо, – учи меня, учи… Спасибо, батюшка, спасибо…

– Ну да, а зачем они спорят со мной?

– Ах, Боже мой, вот так горе! Спорят?! Не прикажешь ли ты ротики им платочками завязать? Вот уж тогда спорить никто не станет… и умный же тогда ты будешь, ба-а-тюшка ты мой!

Ещё проворнее вязала свой чулок няня.

– Эх, какой умный, эх, какой умный! – твердила бабушка.

– Ну-да, они дурлаки…

– О? – передразнила его бабушка и показала внуку на индюка, – и индюк вон тоже, – что ему скажешь, – а он всё своё «тюрлю-флю!» «дурлаки!»

Петя уже перестал сердиться и смешным кажется ему сравнение бабушки; но он хочет удержаться и, пряча лицо в

платье няни, всё-таки смеётся.

Бабушка смотрит внимательно, весело и наклоняется, чтоб поцеловать внука. А тот ещё сильнее прячет лицо в складки нянина платья.

А няня всё сидит, строго и обиженно вяжет чулок и не сводит глаз с своей работы.

Поймала бабушка внука, поцеловала его и пошла.

Подождала немного няня, повела глазами на ребятишек и проговорила строго:

– Ну, что ж вы не зовёте барчука играть? Наш барчук – не барчук, так кого же вам? Такого барчука днём с огнём не найдёшь… На весь род у нас самый умный барчук…

Смотрит Петя внимательно, что ребятишки на это скажут? А ребятишки уж покорно идут к крыльцу: подошли, смотрят на Петю, и ласково говорит один:

– Идём, что ль?

– Ну, вот, вишь, зовут… Ну, иди…

Зовут, да! Вскочил Петя и побежал.

Девять часов пробило в столовой и повели Петю котлетку есть. После котлетки няня поднесла ему на блюдце варенья. Ягодки вишнёвые, прозрачные, вкусные и соку много. Полюбовался Петя сперва, осмотрел их и начал, не спеша, есть.

– Вот так, потихоньку… Так, так, сокол мой… Поел? Ну, теперь в гостиную иди тихонечко, посиди там, а я немножко вот схожу…

Пошёл Петя в старинную гостиную.

Мягкий диван стоит у стены. И диван, и кресла обиты красным сафьяном, а на стенах висят картины. На одной нарисована битва, на другой – горка, лес, река; а между окнами раскрашенные гравюры из библии. Петя смотрит, как наклонилась Сара к колодцу и так и стоит: и сегодня, и завтра, и всегда. Стоит и Петя и смотрит. А там гусар саблю поднял и так и сидит всегда с поднятой саблей на лошади. И Петя будет таким гусаром. В углу рояль стоит. Взмостился Петя и начал трогать пальцами клавиши. Ударит и слушает, другую ударит и опять слушает.

Заглянула сестра его и прошла в столовую. Молодое, худощавое приятное лицо, волосы русые в одну косу, глаза серые, большие, веко левого глаза слегка опущено. Оглянула лениво стол с потухшим самоваром, хлеб, лепёшки, масло.

Бабушка вошла.

– Встала?

– С рождением, – и внучка лениво потянулась и поцеловала подошедшую бабушку.

Бабушка двумя руками взяла голову внучки и расцеловала её.

– Хотела к обедне поспеть… Так за делами и время не сыщешь. Просила уж батюшку приехать. Нет вот что-то и Кириллы Архиповича, нет. Э! это кто ж едет?

И бабушка, и внучка заглянули в окно.

– Что такое? – произнесла раздумчиво старушка, – никак Кирилла. Да что ж он на чужой лошади?

Барыня с ключами в руках заковыляла к выходу, крикнув в дверях:

– Маша, кофе барышне.

– Несу, – ответила из коридора молодая, нарядная, в толстых полусапожках, Маша.

Внучка в ожидании кофе присела и лениво перелистывала какую-то книгу.

Бабушка уже стояла на крыльце и, прикрыв глаза ладонью, нетерпеливо ждала своего приказчика.

– Ах, здравствуйте, – проговорил, наконец, Кирилл Архипович, останавливаясь посреди двора. – С праздничком вас… Проздравляю вас.

И Кирилл Архипович начал без конца кивать своей обнажённой лысой головой.

– Спасибо тебе, батюшка… А где же наша лошадка-то?

– Ах, – вдруг вспомнил Кирилл Архипович.

И вынув кожу, на которой сидел, развернув её, он сказал упавшим голосом:

– Вот…

– Что вот?!

– Сдохла…

Старуха посмотрела и только и могла сказать:

– Это ты мне что ж, подарочек к празднику?

Кирилл Архипович растерянно развёл руками. Упрёк барыни окончательно обескуражил его. Он молча, с убитым лицом, смотрел на шкуру барской лошади.

– С чего ж она сдохла?

– Да ведь я почём знаю? – с горечью ответил Кирилл Архипович.

– Болела, что ль?

– И даже ни-ни… Еду я ещё и думаю: здорова, мол… Сглазил я, что ль, её?

– Надо тебе думать было…

– Да уж виноват. Я уж и сам-то хватился: не надо бы… Главная вещь – здорова вовсе была… Овса я ей, Матвей Фёдорович дал, засыпал: съела, ещё засыпал: съела и тот… И так просто, вот так и хватает… Не в уме ровно стала.

– Да, а твой-то ум где был?

Кирилл Архипович растерянно посмотрел на барыню и сразу смолк.

– Ах ты, Господи! – вздохнула старуха. – Ну, что ж ты стоишь?

– Так ведь чего же теперь делать? Я уж и не знаю… Хочешь будто всё вот как лучше… Ах ты, грех!

Кирилл Архипович в свою очередь вздохнул, подумал и спросил, беспомощно показывая на кожу:

– В каретник, что ль, её повесить?

– Ну, а куда же?

– Кожа, положим, хороша, – выделать – пять рублей стоить будет… Хомуты починить же надо.

– Жнецов-то хоть ты нанял?

– Ах да, – встрепенулся Кирилл Архипович и весело про-

изнёс: – нет.

– Ну, вот тебе… Ну, спасибо тебе, батюшка. Дай Бог тебе здоровья. Послал Господь приказчика! Дура я старая.

– Да вы, Наталья Ивановна, не расстраивайтесь, – с душевной болью в голосе заговорил Кирилл Архипович.

– Да что, батюшка, не расстраивайтесь… Ну, какой же ты, скажи на милость, приказчик у меня…

– Наталья Ивановна! Так ведь пятнадцать рублей жнитво, – в отчаянии воскликнул Кирилл Архипович.

– Ох, ты, Господи, – всплеснула руками барыня. – А пуд хлеба на базаре двадцать копеек. Вот это так… Вот это посоветовал, батюшка, в добрый час сеять.

И долго ещё выслушивали друг друга барыня и приказчик, пока, наконец, разговор не подвинулся к выяснению положения вещей данного момента.

В конце концов, всё оказалось не так плохо, как могло бы быть.

– Как же, жнут, – радостно успокаивая, говорил Кирилл Архипович.

– Уже и жнут?

– Вся деревня…

– Да ты, что ж раньше-то не обрадовал? Слава Тебе, Господи, – крестилась старушка.

– На три рубля дешевле! – напомнил Кирилл Архипович, – я уж погрешил маленько…

– Ну, батюшка, молодец!

– А остальную половину хоть до октября… ренду получим – отдадим.

– Конечно… ну, спасибо, батюшка, спасибо…

– Главное в раз, – день – вон какой.

И это, конечно, много значило.

– А я его ругаю, – говорила барыня, – сам, батюшка, и виноват. Ну, иди ко мне чай пить… Иди прямо сюда… А я ругаю…

– И я то уж обробел, – вижу, огорчаетесь вы, и сам не знаю, как мне вас успокоить.

Напился Кирилл Архипович холодного чаю, рассказал ещё раз уже по порядку о похождениях сегодняшнего утра. Барыня расспросила о всех, кто был на базаре, и Кирилл Архипович встал и, приседая и вытирая усы и бороду, откланялся:

– Ах, ну, благодарю вас… Ехать надо в поле.

– Ну, поезжай с Богом.

* * *

Приехал батюшка служить молебен. Отслужили. После молебна подъехал становой и фельдшер. Молодой становой, полный, добродушный, то конфузился, то старался смотреть по военному и выпячивал грудь. Скромный, тихий фельдшер сидел осторожно на конце стула. Батюшка расхаживал большими шагами и задумчиво заглядывал в окна.

Разговор не клеился. Коснулись было эпидемических болезней и той грязи, которая царит в сёлах. Молодой становой покраснел, приняв намёк на свой счёт.

– Да с мужиками разве что-нибудь поделаешь, – ответил он в своё оправдание. – Сколько раз я им говорил – ничего не понимают.

Внучка, скучавшая в этом обществе, уныло посмотрела на станового, скользнула взглядом по лицам других и уставилась в окно.

– Которые и понимают, – заступился батюшка и, посмотрев на девушку, оправил свои густые красивые волосы.

Тихий фельдшер, всё время внимательно слушавший, кивнул головой и хриплым нерешительным голосом, придерживая нежно свою чёрную бороду, произнёс:

– Понимают.

– А понимают, так что ж у вас в селе грязи больше, чем где либо? – бросил фельдшеру пренебрежительно становой.

– Так ведь… Не мне же её возить, Пётр Степанович.

– Не про вас и говорится… говорится про мужика… Хоть бы вашим мужикам – не говорил я разве?

Старушка хлопотала в столовой и, когда всё было готово, позвала гостей обедать.

После обеда убрали стол и самовар подали. Пьют чай гости. Жаркое солнце льёт свои раскалённые лучи в окно, волны табачного дыма ходят по комнатам.

Сидит старушка, празднует свой шестьдесят шестой год

пребывания на земле. Щемит на душе: словно жаль чего-то, что-то вспоминается, – такое же неуловимое, как этот весёлый день урожайного лета. Прошло всё, как и этот день пройдёт.

– Как совершение урожая пошлёт Господь… – говорит задумчиво батюшка. – Соломой хороши хлеба, а зерно не хвалят… Старые земли…

Старушка вздохнула, отогнала свои мысли и, качая головой, проговорила:

– Хоть и новые… хоть двести пудов уродит, да цен нет, – хуже голодного года и будет.

– Да, выручки не будет.

– Сколько опять помещиков съехалось по своим усадьбам, – качнувшись на своём стуле, вставил становой, – губернатора ждут.

– Что, батюшка, твой губернатор здесь поделает?

– Ничего, конечно, не поможет: не свои же вам деньги даст.

– Когда, по завещанию мужа, отпускала я своих мужиков на волю, – и-и! – На меня тогдашний-то как! Что вы делаете? Вы мне всю губернию взбунтуете. А через восемь лет всем волю дали.

– Ну, так ведь это когда было… Конечно, губернатор тот вам пустое толковал, – фыркнул становой.

– Ох, батюшка, чем, чем, а задним-то умом крепки мы… Назад оглянешься, всё там, как на ладонке, видишь…

– А вперёд-то тоже, – усмехнулся становой, – пожалуй, загадывай… Другой раз за это так влетит нашему брату, что и думать забудешь.

Становой энергично встал, тряхнул головой и заходил по комнате, звеня шпорами.

– Ну я, батюшка, свою подать плачу, а там, есть ли, нет твой губернатор – меня не пугай им.

– Вам… оно, конечно, что, – про себя говорю.

Внучка вошла и присела на стул с таким видом, как бы спрашивала: «долго вы ещё тут будете сидеть?»

Становой оглянулся и начал прощаться. Он звякал шпорами и, протягивая руку, сгибал её у локтя кренделем. За ним, посмотрев из-под рясы на часы, осторожно поднялся, оправляя волосы, батюшка. Совсем тихо и смущённо привстал с кончика стула и фельдшер. Он поклонился издали барышне, дружелюбно поклонился и пожал руку старушке, пожал руку появившейся в дверях няне и, кашлянув, вышел за другими в сени.

Уехал становой, уехал батюшка в своей плетушке, приподняв на прощанье свою мягкую, круглую с большими полями шляпу, а фельдшер пошёл во флигель.

Приехал Кирилл Архипович с поля обедать. Поставил лошадь под навес и пошёл было к своему флигелю. Но, увидев вдруг громадный котёл, стоявший десятки лет возле колодца, он остановился, подумал и решил привести в исполнение свою давно задуманную мысль, – поставить котёл под навес.

– Все трудитесь? – подошёл к нему фельдшер, наблюдавший некоторое время, как Кирилл Архипович, напрягаясь, катил по двору котёл.

– Да вот охота… Который год уж на ветру, да на дожде стоит: ржавеет.

– Известно… Да вы куда его?

Кирилл Архипович обвёл мутными глазами двор и ткнул пальцем в самый дальний угол навеса.

– Ну, давайте вдвоём…

И приказчик с фельдшером принялись за котёл.

– Кирилл Архипович, ты что это? – крикнула из окна старая барыня.

– Да, вот, обедать приехал было.

– Обедал?

– Да нет, не угодил ещё… Вот уж котёл перва…

– Нашёл время!.. Брось… Обедать иди… Там же жнут у тебя…

– Сейчас-то обедают, положим… Бросить, что ль уж разве?

– Ужо, ужо, – крикнула барыня.

Кирилл Архипович бросил на полдороге котёл и пошёл с фельдшером к себе.

– Ах, вот, кстати, – вспомнил он. – У меня ведь опять, Алексей Иванович… Как вот жара: подступит, – хоть ты что…

Кирилл Архипович показал под ложечку.

– Да у вас это всегда – как жара… Посмотреть надо…

– Пожалуйста. Ах, вот чего: как же? Овсеца-то надо лошадке дать. Вы вот что: вы идите, а я сейчас…

И Кирилл Архипович пошёл к амбару.

Так и не дождался его фельдшер. На полдороге Кирилл Архипович опять о чём-то вспомнил, повернул за новым делом, потом забрался на задний двор и, увлёкшись, стал пересматривать валявшееся там разное ржавое старьё: это вот совсем ещё хороший лемех, а это винт совсем новый… И Кирилл Архипович задумался, на что бы употребить его.

Когда он попался опять на глаза барыне, она спросила:

– А ты ещё не уехал?

– Сейчас еду, – ответил Кирилл Архипович. – Кусочек дай какой-нибудь, – заглянул он в своё помещение и, увидев фельдшера, вскрикнул:

– Ах, Алексей Иванович… Я ведь и позабыл про вас… Как же теперь? До другого раза, что ли?

– Так что ж? Как-нибудь после…

– Дел, сами видите, вон сколько…

– Дел-то много.

Получив ломоть хлеба, Кирилл Архипович побежал к навесу, где стояла его лошадь, взнуздал её и поехал, судорожно подёргивая вожжами и в то же время торопливо пережёвывая откушенный ломоть хлеба.

Барыня провожала глазами своего склонившегося на бок приказчика и думала с огорчением, что порядочный он у неё

размазня. И в то же время красной ниткой чрез всю деятельность приказчика проходило одно его неотъемлемое качество – честность.

– Честный, – прошептала старушка, как неотразимый довод самой себе, – преданный и честный. Да и вижу я его насквозь, а с умным свяжись – и не распутаешься: вон как у Лопатиных, и имение из рук ушло.

* * *

Кирилл Архипович, приехав с обеда на жнитво, узнал и приятную, и неприятную в то же время для себя новость: на базаре – татар угнали жать по пяти, вместо пятнадцати рублей. Дмитриевские жнецы, сбившись в кучи, вели об этом оживлённый разговор. Виновником упавших цен называли Гаюшинского приказчика Ивана Феногеновича. Оказалось, что Кирилл Архипович погорячился и вдвое дороже нанял жнецов. Сперва, по деликатности, Кирилл Архипович, узнав о пятирублёвой цене, постарался скрыть неприятное впечатление и только заметил:

– Ну уж! чьё счастье какое… – но, походив немного, от одних к другим, он сказал: – Того… Сказывать уж хоть не надо барыне… Только расстроится.

– Зачем сказывать? – энергично отозвался сытый, плотный парень Михайло. – Известно, кому какое счастье.

И словно боясь, как бы это счастье вдруг не повернулось

спиной к односельчанам, Михайло закричал:

– Ну чего ж стоять? Жать, так жать. Можно и потрудиться: не зря же в самом деле этакие деньги отваливать.

У жнецов дружно сверкали серпы, и, описывая по воздуху круги, бабы и мужики складывали горсти уже срезанной ржи, а Кирилл Архипович как сел на сноп у табора, так и сидел, всё думая, как ему быть теперь.

Солнце книзу уже пошло, когда показалась вдруг плетушка самой барыни. Наталья Ивановна ехала с внучкой и весело всматривалась в ряды стоявших скирд там, где вчера ещё волновалась густая рожь.

Кирилл Архипович совсем раскис и сам перед собой только разводил руками.

– Что? – подсел к нему староста. – А ведь неловко, Кирилл Архипович, барыня-то едет… про цену узнает базарную…

– То-то узнает… Скажет, что вот я с тобой для миру старались… она ведь сумнительная: а я тут что?

– Узнает… На народе, где спрячешь… Я калякал кой с кем… Вот чего… Десятинки три дадите у пчельника, а миру водки ведра два: и Бог с вами и с деньгами, – на помочь повернём дело…

Кирилл Архипович ожил.

– А пойдут? – спросил он, не смея верить.

– А ты… вон они: Трусов, Аношин, Беляков уже снуют по народу: дай срок… Теперь маненько водкой раздразнить их: пойдёт дело…

Сейчас же распорядились и стали обносить водкой жнецов.

Когда подъехала барыня, дело было уже сделано. Староста, отойдя к агитаторам и поговорив с ними, ласково-деловито повернулся и кивнул приказчику:

– Пошли…

Отлегло у Кирилла Архиповича от сердца.

Пошли – одно слово, да тяжёлое, – двести слишком рублей в кармане останется: ну, это так подарочек к рождению.

Кирилл Архипович бросился навстречу к барыне и, судорожно схватившись за борт плетушки, начал было:

– Ах, вот чего… – Но лицо его выражало такое мучительное напряжение, что старая барыня тоскливо-испуганно вскрикнула:

– Да говори же, говори, батюшка, – что ещё?

– Ах, да нет же ничего… Слава Богу всё благополучно.

И Кирилл Архипович начал делать гримасы и в то же время кивать головой в сторону кучера: очевидно, ему хотелось, почему-то по секрету от кучера, сообщить барыне новость. Но старуха не понимала: она напряжённо всматривалась в приказчика, смотрела в спину кучера и, потеряв терпение, опять закричала на своего приказчика:

– Батюшка ты мой, пожалей старуху: не мучь.

– Ах, – вздохнул ещё раз приказчик, – видно уж так…

И Кирилл Архипович рассказал, наконец, о том, что крестьяне хотят повернуть всё дело на помочь, вместо денег. По-

дошли староста и передовые.

– Что вот, батюшка, говорит мне приказчик? – наклонилась добродушно и таинственно старушка к старосте.

Староста не сразу ответил. Он положил сперва руку на облучок, посмотрел куда-то в сторону и, наконец, уставившись в барыню, ласково-добродушно сказал.

– Так надумались мы, Наталья Ивановна, послужить тебе… дело суседское…

– Ох, батюшка мой, я уж и не знаю, как благодарить-то…

– Ничего, барыня, – задумчиво ответил Аношин, которому пришлось долго толковать с задорным парнем Михайлой, – выжнут безо всякого…

– О?

– Верно, за водкой посылайте…

– Господи, так ведь конечно, – засуетилась старуха. – Вот, вот…

Наталья Ивановна торопливо достала бумажник из кармана и, отсчитав деньги, дала их приказчику.

– Три ведра, – приказала она.

– Довольно двух, – кивнул головой староста.

– Три батюшка, три, – настояла барыня.

– Ну, спасибо… Народ охотнее будет хвататься… Идти к ним…

И староста, а с ним и его свита пошли по рядам.

Староста говорил громко, так, чтоб слышала и барыня, и жнецы.

– Эй, ребята, жни получше – три ведра барыня жертвует вам…

Редкие из жнецов при этом подымались и оглядывались в сторону барыни, большинство же молча, сосредоточенно жали.

Перед иными останавливался староста и тихо говорил:

– Так ведь чего же станешь делать? Неужели вот так за горло? Вон цена на базаре, слыхали? Опять много ли придёт на человека, если по базарной цене, а тут хоть уважка… а вот по жнивам скотину допустит опять… А главное пристал приказчик: меня, мол, подвели…

– Уж ему, конечно, перед барыней неловко…

– А нам-то с ним же жить…

– Оно, конечно, так… Эх… чего станешь делать?

– Так ведь об этом самом и речь…

Бабушка и внучка сошли с плетушки на землю, прошли несколько шагов и присели у первого скирда хлеба.

Бабушка, щурясь, всё смотрела на ряды жнецов и всё ещё не могла освоиться с мыслью, что двести рублей свалились ей с неба. Она была и довольна, и смущена, и почему-то старалась не смотреть на внучку. Лицо внучки было покорно огорчённое.

– Вот, бабушка, ты говорила, что будут лишние деньги – школу построишь… Вот эти деньги отдай…

– Да где ж деньги, матушка, когда их нет у меня!

– Пришлось бы доставать…

– Ну, так доставать ещё…

– Ну, вот, когда достанешь, и дай…

Глаза старухи смущённо забегали, и она ответила, не смотря на внучку:

– Ну, не всё сразу… Достать! И даром жнут, а толку нет.

– Зачем же сеять тогда?

– Зачем, зачем, – повторяла старуха.

– Так всегда, – пренебрежительно сказала внучка и отвернулась.

Бабушка молчала.

Молчание тянулось долго и было неприятно старухе. Наконец она сказала:

– Для вас хлопочу, – всё вам останется… Хоть всё раздайте…

– Что ж, отдайте? Я, может, и не доживу ещё до того времени…

– Доживёшь, матушка… и в ум войдёшь.

– Барыня, – подошёл к ней крестьянин, живший до сих пор, – я к тебе всё насчёт лесу докучать пришёл.

Старуха растерянно опять покосилась на внучку, на крестьянина и спросила:

– А что тебе, батюшка?

– Да всё вот насчёт лесу…

Барыня хорошо знала всю эту историю с лесом: был продан лес, назначен был срок для вывозки его, лес в срок не был весь вывезен, и, согласно печатному ярлыку, крестьянин

лишался права на оставшийся лес.

– В чём дело? – спросила ещё раз старуха, словно ничего она не знала.

Крестьянин должен был рассказать ей подробно всё.

– Батюшка мой, – проговорила, выслушав, старая барыня, – а кто же тебе виноват?

– Так ведь чего же станешь делать? Не успел.

– Так ведь, батюшка мой, молодой-то лесок взялся, – ты его топтать станешь теперь…

– Где взялся?.. Когда ему взяться было?

– Нет, взялся, батюшка, как сеянный пошёл: сама видела.

– Пропадать видно моему лесу, – махнул рукой крестьянин.

– Лес, батюшка, теперь не твой.

– И деньги отдал, да и лес выходит не мой, – фыркнул крестьянин.

– А зачем же ты его не вывез? мне что же полесовщика из-за тебя лишнего держать? Ты ведь знаешь, что мой теперь в поле…

– Зачем лишнего? свой лес вывезу, неужели же твой захвачу?

– Ты не захватишь, а ведь всякий есть: другой и захватит. Вас тысячу человек: тебе поблажку и всем надо… Я, старуха одинокая, как с вами тогда соображусь, если одного порядка не заведу.

– Порядок?! Деньги отдал, а лес опять не мой: уж Бог с

ним и с порядком таким.

Крестьянин говорил грубо.

– Ну что ж, батюшка, ругай меня старуху, – напряжённо тоскливо проговорила барыня.

– Кто ругает? Бог с тобой и с твоим лесом, когда так… И водки твоей пить не хочу, – уйду и Бог с тобой.

– Вот видишь ты какой: сердце-то у тебя злое… Не хорошо, батюшка, не хорошо…

– Ну, ладно: какой есть, такой и есть. Марья! будет жать! – закричал своей жене крестьянин.

– Ишь какой! Назло делает, – мотнула раздражённо головой старуха. – Ты что ж меня хочешь на всю деревню срамить?

– Бабушка, – вмешалась внучка, – ведь это же, действительно, его лес.

– Ну, вот, – сказал крестьянин, – твоя кровь, а моё ж баит.

– Да ты что грубишь? – накинулась на него барыня, вдруг вспыхнув.

– Чем я грублю? Э, Бог с тобой!

Крестьянин не на шутку собрался уезжать.

Старуха не знала, что делать: и леса жаль было, и перед внучкой неловко, и перед деревней выходила неприятная история: разнесётся далеко кругом в преувеличенном виде.

Едва, едва помирил барыню с крестьянином подоспевший староста и приказчик. Старуха отдала лес.

– Ну и ладно, ну и иди, – погнал жать староста получив-

шего свой лес крестьянина.

Но старушка ещё долго не могла успокоиться.

– Видно сразу нехорошего человека: пришёл бы тихо, смирно, а то вот при народе… Не хорошо… Не хорошо… Старуха я, грех так… Портится народ.

– Нынче всякого народу довольно, – философски успокаивал её староста.

– Ну, что ж? Бог с ним… А всё-таки скажу: не хорошо…

– Известно: где хорошо?

Но когда привезли водку и жнецы стали подходить и, выпив, жали старой барыне и её внучке руку, а бабы целовались с ними, – когда очередь дошла до крестьянина, бранившегося со старухой, то Наталья Ивановна весело проговорила:

– Ну, давай мириться… – и сама налив стакан, подавая, сказала: – ну, уж пей… Будет: кто старое помянет, тому глаз вон.

– Мириться, значит, охота, – поддакнул кто-то из толпы.

– Мировая у вас выходит, – сказал другой.

– Так ведь я что? – говорил крестьянин, принимая водку и кланяясь, – прости и ты, коли в чём обидел… Мы мужики, чего понимаем?

И выпив, крестьянин довольно крякнул.

– Ну, вот и помирились, – крикнул весело кто-то из толпы.

– Я ведь, батюшка, – объясняла старуха, – не люблю ссориться. Пусть же моё пропадает лучше…

Мировая барыни с мужиком, да водка развеселили толпу.

– Простая ты у нас, – весело произнёс, подвыпивши, какой-то корявый мужик, – страсть простая!

– Против нашей барыни и нет, – покровительственно бросил, уходя, другой.

– Ну, вы там: жать! – крикнул кто-то. – Кончать, что ль!

– Ай-да!

Молодой парень Никанор, тонкий, с чёрными глазами, с петушиным пером в шапке, пожав барышне руку, делился впечатлениями с окружавшими парнями.

– Сахарная… – он сделал сладкую мину.

– Ишь, дьявол, куда лезет… Тебе бы вот её?

– Взял бы! Эх!

И Никанор ловко и весело пустился вприсядку.

– Жать, жать! – валила толпа. – Бабы, песни!

Склонив на бок голову, во главе пёстрой ленты сарафанов, уже заходила в рожь и запевала Авдотья своим звонким до визга голосом хоровую песню.

Поют песни жнецы, солнце садится. Задумалась старая барыня и внучка задумалась. Сидят обе у той же скирды и смотрят: бабушка в землю и грызёт своим беззубым ртом соломинку, а внучка – на заходящее солнце, на толпы жнецов, на ту избушку, что стоит там далеко над обрывом реки. Туда бы в эту хижину, в эту мирную идиллию, с книгой в руках забыться от житейской прозы. Забыться и жить, довольствуясь самой скромной долей мыслящего человека.

Она раскрыла свою книгу и прочла написанное курсивом:

«Высшее счастье в труде».

В каком труде? Там, в той хижине, или в борьбе за общую правду? А где правда и где в жизни сознательное место борца? И без этого определённого места все помыслы о добре и правде разве не тот же рычаг Архимеда, без точки опоры, о котором говорил он: «Дайте мне точку опоры и я подыму вам землю». Дайте… Но кто даст?

Кто-то едет по дороге: крестьянин подъехал, соскочил с лошади, снял шапку и подошёл к господам. Записку подал из Красных Зорек: зовут барышню кататься на речку.

Прочла барышня. И хочется ехать ей и не хочется, а бабушка уговаривает. Ещё подумала и согласилась ехать.

– Я с Кириллой домой доеду, поезжай, – говорила, провожая её, бабушка.

– Надо ещё домой заехать переодеться. Стоит ли ехать?

– Поезжай, поезжай, – твердила бабушка. – Там и ночевать оставайся.

* * *

Огорчился Никанор, когда по окончании работы пришёл с другими к старой барыне допивать водку и не нашёл возле неё внучки с серыми глазами.

– А она-то куда девалась? – спросил он сам себя, разведя руками.

– Что? улетела? – спросил его кто-то.

– Эх, улетела! Напьюсь с горя.

Все смеялись и Никанор смеялся, и кто не мог допить, подавал ему и говорил:

– Ну что ж, допивай?

– А что? Выпью!

И Никанор пил. Его добрые, красивые глаза в это мгновение широко-широко раскрывались. И больнее в сердце щемил недосягаемый для него образ барышни. Потом туманнее стало в голове, отшибло память, и забыл Никанор, о чём болело сердце, но всё пил и пил, потому что всё подносили.

– А вы, будет… Что в самом деле? Опоите человека.

Парни смеялись.

– Ну вот ещё? Опоишь его, быка этакого.

Уже стемнело, когда потянулись пьяные жнецы домой.

Там далеко потухал запад, темнело, и при самой земле только разливался красноватый отблеск, а пьяные песни долго ещё неслись и замирали в пустевшем поле.

Никанора, без чувств, уложили в телегу, и ехал он, заваленный одеждой пьяных помочан, забытый всеми. Привезли в деревню только труп его: платьем ли завалили, опился ли – так и не знали.

Наталья Ивановна ничего не знала о том, что на её помочи опился человек, и довольная поехала с своим приказчиком домой в его тряской плетушке.

– Ох, батюшка, растряс совсем, – говорила она, вылезая из экипажа, когда приехали домой. – Маша, чай готов?

– Ну, а я пойду обедать, – заявил приказчик.

– Как обедать?

И узнав, что Кирилл Архипович так и не обедал, барыня совсем умилилась:

– Ну уж, батюшка, прости Христа ради: досталось тебе сегодня.

В голосе ли барыни что было, чувствительный ли уж такой от природы был Кирилл Архипович, но он быстро, горячо произнёс:

– Что вы, что вы, матушка Наталья Ивановна, я для вас не то что не обедать, я для вас… тоись так хочу послужить… так… одним словом, как отцы наши вам служили.

Старушка расстроилась, и слёзы сверкнули на её усталых глазах.

– Спасибо, батюшка мой, спасибо тебе… Вижу я твою службу и усердие… Дай Бог и тебе, батюшка, всего.

Напилась Наталья Ивановна чаю, – внучек давно уже напился, – убрала чайницу, сахар и хлеб, заглянула к внуку и, увидев его на кроватке, а няню возле, сказала: «ну спи, спи, батюшка. Господь с тобой», притворила дверь и пошла в свою комнату, всю уставленную образами.

Горят лампадки и переливаются в них лучи, играют в ярких золотых ризах образов и дальше заглядывают в тот тёмный угол, где на широкой двуспальной кровати лежит старая барыня, теперь раздетая и готовая ко сну, лежит и смотрит своими усталыми глазами в потолок. Старушечьи мысли о

смерти бродят в голове и мешаются с разными мелочами текущей жизни: хозяйством, посевом, внучатами…

Скоро, скоро так же будет она лежать уже без мыслей и слов: будет загадочно и строго смотреть её тёмное лицо, а душа улетит к Тому, пред Кем все равны, пред Кем одни души человеческие!.. И век вечный всё-то все вместе там, пред Его престолом.

«А здесь, – думает старушка, – вот как миг один и жизнь-то, а врозь – иная всякому доля… Век вечный вместе, – сладко засыпают её мысли, – а жизнь-то врозь». И вздыхает и спит уже старушка. Устало повернулось её лицо к лампадкам, и бегают тени по этому бледному, неподвижному, в чепчике, расширенному книзу лицу.

Уложила няня спать Петю. Тихо в комнатке. Пузатый комод с медными ручками в одном углу, кресло и рабочий стол в другом, две кровати.

На стене, рядом с образами в серых искристых рамках две картинки. На одной на коленях стоит молодая монахиня, и перед ней Господь раскрыл Своё сердце. Горит сердце в огне и страшно тянет к нему сложенные руки монахиня. А на другой картинке в гробу уж монахиня, и ангел на крыльях уносит в звёздное небо её спелёнутую душу.

Лежит Петя, обняв свою куклу, безобразного Ваньку, и ждёт, когда сон закроет ему глазки. Маша заглянула. Закрыл было и опять открыл Петя глазки.

Тихо мурлычет няня:

У-у-летел орёл домой,
Село солнце за горой.

– Няня, расскажи про монашку.

Няня нехотя прерывает песню.

– Ну, видишь монашка… Вот Господь перед ней. Видишь, от грехов сердце горит Его: кажет монашке, а ей жаль. А вот тут уж умерла монашка… Ничего уж ей не надо… Душу вот, видишь, ангел несёт.

– Куда?

– В небо… К Господу Богу своему.

Смотрит Петя внимательно, и смущает его контраст размеров большой монахини в гробу и её маленькой спелёнутой души в руках ангела.

– Она на небе уже маленькая будет?

– Видишь вот.

– А ходить она умеет?

– Зачем ей ходить? Ангелы на руках носить её станут.

– И меня будут так носить?

– Заслужишь и тебя.

– И Ваньку?

– Ванька кукла. Ванька пропадёт.

– Пропадёт? А бабушка пропадёт?

– Бабушка умрёт.

– А собака умрёт или пропадёт?

– Пропадёт.
– А кроватка?
– Пропадёт.
– А сапожки?
– Пропадут.
– А сабля?
– Тоже пропадёт.

Петя растерянно водит глазами: всё то, что любил он – всё пропадёт. И Петя робко говорит:

– Няня, я тоже пусть пропаду…

– О, глупый какой! Спи…

Вздохнул Петя и покорно смотрит на своего друга Ваньку, на его разбитую голову. Глазки совсем слипаются и думает он: «Старый стал мой Ванька: скоро уж он пропадёт».

И опять тихо и монотонно поёт няня:

У-у-летел орёл домой,
Село солнце за горой.

Стемнело совсем. Разлился мрак и напоил воздух ароматом полей и старого сада. Во мраке мелькают огоньки усадьбы и кажутся они в волнах тёмной ночи огнями какого-то безмятежно плывущего корабля.

Молодой кучер Листрат, заброшенный судьбой далеко от своей деревни, сидит у ворот конюшни и тихо поёт городскую песню о том, что покинул он свой отчий дом, и только

собачка верная воет у ворот, да ворон на крыше кричит.

Раздастся голос по лесам:
Заноет сердце, загрустит,
Только меня не будет там.

И щемящей тоской хватает песня за сердце. Мягкий баритон певца замирает в тёмной деревенской ночи, замирает боль по какой-то иной неизвестной жизни. Молодая Марья стоит у дверей крыльца, едва видно её светлое платье, и слушает раздумчиво сладкую песню Листрата. Луна взошла.

Уснул Петя, а тут же на другой кровати возле него улеглась и няня. Потушила свечку и в узорное окно смотрит к ней светлая лунная ночь. Сколько лет прошло – всё та же она, эта голубая ночь. Всегда и смолоду она строга была и в мыслях не держала: но молода, красива была. О-ох, и вспомнить страшно! Не ждала, не чаяла… Спит не спит, открыла глаза и замерла: стоит над её кроватью барин. Ох, чего он хочет?! В одной рубахе она… А муж? а барыня молодая услышит? а грех? И замерла… Хотела крикнуть. Обнять хотела, коснуться не посмела. Ушёл барин, и осталась она одна с своим грехом. Куда уйдёшь от него? И жутко, и крестится на образа. Стыдно! давно забыть бы надо, старуха: в могиле вечным сном спит барин…

О-ох, как-то ему там? Что-то ей будет?! Какими глазами придётся на барыню свою смотреть?! А хуже всего, что и до сих пор на духу так и не покаялась. В монастырь бы… дове-

сти до пути Петю и туда, в келейку, дни и ночи на коленях замаливать свой тяжкий грех пред людьми и Богом, пред мужем и барыней.

* * *

Тухнут огни в усадьбе.

Кучер прошёл к лошадям в конюшню, наслушалась и Маша песен и спит в коридоре, подбросив под себя какую-то свитку.

Только у приказчика ещё горит в окне огонёк. Лысая голова его громадным пятном обрисовалась на стене, и выводит он буква за буквой письмо к сыну, ученику фельдшерской школы.

«Любезный наш сын, Степан Кириллович! Во первых строках нашего письма объявляем вам, что вы подлец. Сказывали мне добрые люди, что вы цигарки курите и водку пьёте и даже в пьяном состоянии видели вас на улице. Я самоучкой грамоту произошёл и того со мной не было, а на ваше ученье я последние деньги убиваю. А мои деньги трудовые и про чёрный день ничего не прикоплено и, не дай Бог, помрёт наша барыня, должен я поэтому из-за вас нужду принять великую. А, впрочем, посылаю вам моё родительское благословение, навеки нерушимое. И ещё посылаю вам десять рублей деньгами, чтобы вы их не мотали, а меня старика пожалели бы. И ещё вам кланяется…»

Шла целая страница поклонов от всех.

Уже потухли все редкие звёзды на бледном небе. Только одна упорная словно увязалась за луной и смотрит, смотрит на неё и следует неотлучно за ней.

Но бледнеет и луна и тает и её яркая спутница в пустыне светлеющего неба.

Кончил наконец и Кирилл Архипович своё письмо и смотрит тупо, уныло поверх своих громадных очков в окно в пустой, охваченный сном рассвета, неподвижный двор усадьбы старой барыни Ярыщевой…